

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

Н. Н. Коншин

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
РАЧИНСКИЙ

1833-1902 гг.

(К 180-летию со дня рождения)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
В ТАТЕВСКОЙ ШКОЛЕ, НАПРАВЛЕННЫЕ
НА СТАНОВЛЕНИЕ ДУХОВНО-
НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

УДК 372.367

ББК 74.200.51

Сегодня, когда формирование духовно-нравственной культуры личности является одной из основных задач современной школы, автор статьи рассматривает историко-педагогический опыт, взгляды и идеи С. А. Рачинского (1833–1902), предложившего систему воспитательной работы по формированию духовно-нравственных ценностей личности, включающую в себя православные, общечеловеческие, педагогические аспекты. Изучение этой системы воспитания важно при выборе пути развития современной школы в России.

Ключевые слова: нравственное воспитание; духовное воспитание; христианская вера; вера в промысел Божий; любовь ко Христу; Евангелие; церковная служба; церковные праздники; быть человеком.

N. N. Konshin

Sergey Alexandrovich Rachinsky
(1833-1902)

(In commemoration of 180th anniversary of Rachinsky's birth)

PECULIARITIES OF ORGANISATION
OF TEACHING AND UPBRINGING
AT TATEV'S SCHOOL, AIMED AT FORMING CULTURAL
AND MORAL WEALTH OF A PERSON

The problem of spiritual and moral up-bringing of the young generation first appeared in the 19th century. S.A. Rachinsky (1833-1902) realized the danger of spiritualistic ideas and saw the root of this evil in lack of faith. They also understood

that people's passion for contact with the dead could destroy human spirit and lead society to immorality and awful crimes. Now, when the idea of morality of the human behaviour is one of the main problems in modern school it is very important to learn the pedagogical views of the great men Rachinsky, who suggested their methods of up-bringing of children, based on creation of religious, all — human and moral values.

These methods must be researched by modern pedagogical science and the positive experience of the 19th century can be adopted in modern school.

Key words: moral up-bringing, spiritual up-bringing, Christian faith, belief in Providence, love for Christ, Gospel, church service, church holidays, be humane.

2 мая 2013 года исполняется 180 лет со дня рождения Сергея Александровича Рачинского (1833—1902) — ученого-ботаника, профессора Московского университета, публициста и переводчика, учителя Татевской школы для крестьянских детей в Бельском уезде Смоленской губернии, автора известной книги «Сельская школа».

Как свидетельствуют архивные документы от 18 марта 1904 года, народное образование в Татеве, благодаря просвещенным заботам господ Рачинских и особенно Сергея Александровича Рачинского, было поставлено очень высоко. «В приходе три школы: одна — церковно-приходская в с. Татеево и две школы грамоты. Кроме этих школ, есть еще одна церковно-приходская школа, хотя и не в пределах Татевского прихода, но устроена С. А. Рачинским главным образом для прихожан Татевского прихода... Обыкновенное среднее число учащихся в этих школах 170—180 детей. Нет нужды говорить, как высоко стояло учебное и воспитательное дело в этих школах при С. А. Рачинском. Он всегда со всеми своими силами, спокойствием и всякими средствами принадлежал школе...» [16. Л. 165 об.-166 об.].

Труды С. А. Рачинского по духовно-нравственному воспитанию

личности составили основу его практической деятельности в Татевской школе, включающей в себя, прежде всего, воспитание «сердца» ребенка в условиях педагогического процесса.

Он взялся за организацию новой школы в Татее, проектирование и строительство здания с общежитием, где все было тщательно продумано и проработано. «Не выходя из пределов крестьянского обихода, Сергей Александрович глубоко обдумал каждую деталь, каждую мелочь как во внешней обстановке своей школы, так и в порядке занятий; в образе жизни и во взаимных отношениях и своих к детям, и всех членов школьной семьи между собою. Все носило печать глубокой практичности и вместе с тем глубокого внутреннего значения» [2. С. 10]. Опираясь на воспоминания современников С. А. Рачинского, план Татевской школы с собственноручного наброска С. А. Рачинского, фотографии, составим описание Татевской школы, поскольку внешний вид учебного заведения, по мнению татевского учителя, играл значительную роль в жизнедеятельности учащихся и учащихся школы. Учитывая то, что 1/3 детей были сиротами, школа, где они жили круглый год, становилась их родным домом, представляя нравственную ценность. Учителя школы во главе с С. А. Рачинским весь день

проводили с детьми, таким образом, школа функционировала непрерывно и никогда не закрывалась. Используя при планировании Татевской школы «Домострой», Сергей Александрович наладил прежде всего быт детей, создал уют и порядок, так как «премудрость житейская», считал С. А. Рачинский, тесно связана с общечеловеческими ценностями и морально-нравственными традициями русского народа.

Татевская школа представляла собою большое деревянное одноэтажное здание с террасой и крыльцом с передней стороны. Эта постройка считалась главным корпусом, к которому примыкала небольшая двухэтажная пристройка внутри, где в двух маленьких комнатах жил Сергей Александрович. Наверху располагались комнаты, в которых учащиеся занимались рисованием и иконописью. С крыльца дверь, над которой висел образ Спасителя, вела в прихожую, откуда можно было, если идти прямо, попасть в помещение учителей — помощников Сергея Александровича, а налево — в столовую и кухню общежития. Дверь направо вела в класс, который представлял собою просторную и светлую комнату, на стенах висели картины и рисунки учеников школы. В переднем углу располагались иконы, украшенные расшитыми полотенцами, перед образами горели лампы.

С левой стороны, которая была сплошь стеклянной, находился своеобразный ботанический сад из комнатных растений и цветов. С балкона школы открывался вид на окрестности Татева, а через дорогу от школы находились школьный сад и огород.

Перед школой был разбит цветник, стены террасы и сама терраса были украшены выюющимися растениями и цветами. Все, кто посещал школу С. А. Рачинского, отмечали ее чистоту и убранство. В Татевской школе действовал принцип самообслуживания. Необходимо сказать, что чистоту и порядок поддерживали сами дети. В Татевской школе не было сторожа, помогала по хозяйству лишь «бабастряпуха». Учащиеся Татевской школы заботились о поддержании чистоты и порядка в помещении школы и общежития: выметали сор и пыль, мыли полы, кололи дрова, топили печи, носили воду, помогали поварихе в приготовлении еды, работали в саду и огороде и т. д.

Татевский учитель также принимал участие в работах: полел грядки, руководил работами на огороде и в цветнике и т. д.; или переписывал ноты для школьного хора, разрисовывал крупными славянскими буквами молитвы, тропари и кондаки двенадцатых праздников с разноцветными заставками и орнаментами, которые затем в виде таблиц украшали школьные стены. По воспоминаниям современников С. А. Рачинского, «он принял на себя самую черную из работ — очищать навоз с площади перед школой... Весь этот сор и навоз, тщательно им собираемый, шел обыкновенно в школьные цветники и на школьный огород. Летом он охотно полел гряды на школьном огороде (и это было лучшим проявлением метода воспитания детей своим примером — Н. К.). Без всяких особых затрат, при средствах, имеющихся в любой деревне, С. А. Рачинский сумел придать своей школе красивый и художест-

венный вид; благодаря же практически устроенной вентиляции и тщательно поддерживаемой чистоте, школьное здание удовлетворяло и самым строгим требованиям гигиены» [2. С. 11].

Работа школы с общежитием требовала расширить учебные программы и особо спланировать учебно-воспитательный процесс. В связи с этим С. А. Рачинский придавал большое значение режиму дня своих учеников.

Подъем для детей, живущих в общежитии, был в 6 часов утра. Далее следовала молитва, руководил которой сам Сергей Александрович, ученики читали молитвы, во время которых звучало пение. После этого дети завтракали. В оставшееся до 9 часов утра время все занимались хозяйственными работами: носили воду и дрова в кухню, поливали цветы, приводили в порядок помещения и т. д. С 9.00 до 12.00 — уроки. В 12 часов был обед. В столовой, «которая была вместе с тем и спальней, — для чего по стенам были устроены нары с отделениями для каждого мальчика, — стояли два длинных стола с лавками по бокам; за одним из столов в конце сидел обыкновенно Сергей Александрович, а за другим столом его помощник, и все обедали вместе из одинаковых белых глиняных чашек. Перед обедом и после обеда пелись обычные молитвы» [2. С. 14]. После обеда был перерыв до 14 часов, во время которого учащиеся занимались хозяйственными делами или играли под присмотром учителя. С 14.00 до 16.00 — продолжались уроки в школе. Затем шли полдник, отдых, игры на свежем воздухе или прогулки. С 17.00 до 18.00 — ужин, с 18.00 до 21.00 — вечерние занятия в школе, после которых сле-

довала вечерняя молитва. После этого дети шли спать. В субботы и праздничные дни порядок менялся. В субботу уроки оканчивались в 12 часов дня. После обеда шла уборка школы, мытье полов, чистка спальни и других школьных помещений, после чего ученики шли в баню. После бани пили чай, после чего С. А. Рачинский проводил беседы, читал и объяснял воскресное или праздничное Евангелие. Среди класса ставился стол, по скамьям размещались учителя и ученики, иногда и родственники учеников. С. А. Рачинский читал Евангелие по-славянски и объяснял непонятное, а затем читал то же Евангелие по-русски. Завершались субботы спевкой к воскресной или праздничной службе, затем следовали молитва и сон.

Дети находились постоянно под присмотром взрослых, даже во время игр и прогулок. В этом заключалась, по мысли С. А. Рачинского, «неустанная бдительность родительского сердца» [2. С. 13]. Также дети Татевской школы не оставались без внимания и в праздники. Сергей Александрович все праздничные дни проводил в школе со своими учениками, для которых школа становилась «милее и тем теснее привязывала сердце их к себе, даря светлыми, неизгладимыми впечатлениями, полными поэзии и особых чарований, которыми так скрашивается наша жизнь и лучшая пора жизни — незабвенное золотое детство» [2. С. 17]. Сергей Александрович заботился о деятельном участии в праздниках всех и каждого.

Н. М. Горбов определил идею Татевской школы как «стремление сделать из детей добрых христиан... Наша школа должна быть не

только школой арифметики и элементарной грамматики, но, прежде всего, — школой христианского учения и добрых нравов, школой христианской жизни под руководством пастырей церкви», — это цитата из «Сельской школы». Но Рачинский идет далее: «Наша школа — школа христианская не только потому, что в таком направлении построен весь ее педагогический план, но также и потому, что учащиеся ищут в ней Христа, что учащиеся только Христа ради могут поднять те труды, при коих возможен какой-нибудь успех. Занятия в Татевской школе для всех ее членов являются некоторого рода религиозным подвигом» [3. С. 36]. Ученики Татевской школы учились целый день, и это было «вопреки всем требованиям педагогической науки» [3. С. 37]. Силы детям и учителям выносить эти «непрерывные» занятия давали «постоянная жизнь в духе и для духа, известный возвышенный строй всех интересов, всех отношений, известное вдохновение. Уроки теряли в Татеве значение отдельных уроков, а являлись составными частями общего целого, на одном ясном и для всех понятном пути» [Там же]. Камертоном всего учебно-воспитательного процесса являлась общая высота духовного строя школы, что не могло не отразиться на выборе в будущем учительской профессии многими учениками С. А. Рачинского. Прием личного примера учителя органично переходил в традицию преемственности учительской профессии.

С. А. Рачинский сам готовил учителей в своей школе. «Подметив в ком-либо из своих старших учени-

ков в сильной степени педагогическую струнку, Сергей Александрович начинал понемногу поручать ему руководить младшими учениками. При успешном ведении дела такой мальчик, по окончании школьного курса, оставался еще на несколько лет при школе. Он и сам учился, и привыкал учить других. При этом Сергей Александрович помогал ему в его занятиях» [4. С. 86]. Таким образом С. А. Рачинский подготовил соучителей для сельских школ, «и учителя эти оказывались очень полезными для этих школ» [4. С. 87]. В летние или зимние каникулы С. А. Рачинский проводил с ними общие беседы — своеобразные педагогические лаборатории, где происходило обсуждение результатов педагогического опыта начинающих учителей, «что, конечно, поддерживало энергию их и способствовало их самоусовершенствованию» [Там же]. В «Автобиографии» учителя говорится, что «по прошествии двадцати лет в числе воспитанников Татевской школы оказалось около шестидесяти полноправных учителей и учительниц» [13. Л.1 об]. Интерес представляют архивные документы — письма С. А. Рачинского, в которых речь идет о подготовке воспитанников школы к сдаче экзамена на звание сельского учителя [14. Л.1]. В письме к В. И. Шемякину С. А. Рачинский предлагает пути решения проблемы появления учителей с недостаточным жизненным опытом: «Будем принимать ряд мер для предотвращения выпуска слишком молодых учителей. Будем прекращать прием в первый класс детей моложе 10, во второй — моложе 12, в третий (учительский) — моложе 14. Это становится воз-

можным лишь теперь, когда авторитет школы возрос настолько, что она не вынуждена больше подчиняться привычкам и требованиям местного населения. Численность учеников увеличивается, желающих множество...» [17. Л.1].

В письме к В. Н. Ляковскому Сергей Александрович признавался в своей «страсти» к профессии учителя: «Началась сложная схема разнообразных уроков и быстрый упадок сил. Каждую весну спрашиваю себя, дотяну ли я до осени, каждую осень — дотяну ли я до весны. Помощники мои одни за другим уходят — в Церковь, в диаконы. Я же становлюсь абсолютно негодным — а отстать от моей школьной страсти, бросить ее хотя бы на месяц — я не в силах» [15. Л. 1].

Как было сказано выше, Татевская школа была неразделима с церковью и, прежде всего, внушала детям любовь к богослужению, участию в церковной службе, церковном чтении и пении.

«Жизнь для Бога», «жизнь по Закону Божию», «отвержение себя», подвижническая жизнь — вот чему учили в Татевской школе, поэтому главным стержнем воспитания духовно-нравственных ценностей в Татевской школе и мерилом жизни самого С. А. Рачинского был Закон Божий. Это был не учебный предмет, а способ существования православно-го человека.

С. А. Рачинский комментировал трудные места Евангелия, адаптируя их для восприятия детским сознанием. Это касалось, в первую очередь, основных положений Нагорной проповеди, заповедей блаженства, текстов Евангелия. Учитель анализировал и притчи Иисуса Христа. Переписывая

сначала тексты в отдельную тетрадь, адаптируя их к детскому восприятию, Сергей Александрович готовился к беседам со своими учениками, расшифровывая каждое слово и каждый образ.

Вместе с Евангелием постигали они и азы «Домостроя», в котором находила отражение формула: человек — труд — нравственность.

«Хлеб насущный» был ценностным аспектом, воспитывающим учеников Татевской школы, где удалось создать «соборное сотрудничество» [12. С. 38]. Сергей Александрович вместе с учениками и учителями разделял и их скромный стол [5. С. 5], довольствуясь той простотой пищи, которую приготавливала на всю школьную «артель» кухарка, «бабушка — добрейшая старушка» Прасковья Федоровна [11. С. 116]. Пища в Татевской школе была простой, но здоровой и питательной «и ничем не отличалась от обихода средней или зажиточной крестьянской семьи» [2. С. 14].

Вот примерное меню:

6.00 — чай с баранками;

после молитвы в 8.00 — завтрак (молоко с хлебом, в пост — жареный на масле картофель, квас).

после уроков (в 12.00) — обед, который включал 2 блюда — щи или суп с мясом и кашу. По праздникам — еще пироги и чай;

далее — уроки с 14.00 до 16.00 — и вечерний чай;

после следующих уроков (с 17.00 до 18.00) — ужин;

далее — молитва и сон.

Касаясь христианской этики, С. А. Рачинский подробно объяснял детям положение о посте, который являлся средством воспитания само-

дисциплины. Посты соблюдались в Татевской школе: 7 недель Великого поста и Страстной седмицы перед Пасхой, 6 недель перед Рождеством, 2 недели перед праздником Успения Пресвятой Богородицы и пост перед праздником св. ап. Петра и Павла; на неделе — среда и пятница — постные дни. Надо сказать, что чувство голода татевские школьники никогда не ощущали, так как и во время поста пища была также питательной и здоровой. В праздники же, кроме пирогов, было много вкусного для детей. Так, на Пасху в большом количестве красились яйца, пеклись куличи и готовились пасхи.

Духовные и нравственные приоритеты в жизни касались и одежды учеников Татевской школы. С. А. Рачинский воспитывал в детях вкус и чувство меры в выборе одежды. По картинам Н. П. Богданова-Бельского, написанных в Татеве: «Устный счет (В народной школе С. А. Рачинского)», «Проба голосов», «Сочинение», «Дети на уроке», можно судить об одежде татевских учеников: она была «однообразная, в национальном вкусе, и сделанная весьма прилично: красная рубашка, поддевка, брюки в длинных голенищах» [11. С. 114].

Об одежде девочек в школе С. А. Рачинского свидетельствует картина того же автора — «Урок рукоделия»: она была скромной, в национальном духе, аккуратной. К Пасхе юные мастерицы Тарховской школы дарили татевским ученикам и учителям «белые рубашки, обшитые лентами с красными узорами, и красные вязаные пояски» [1. С. 569].

Воспитательное значение народного искусства, его духовно-нрав-

ственное, эстетическое воздействие на личность ребенка были целью и основной организацией народного промысла в Татевской школе. Эти занятия формировали в детях мировоззрение, «родовые чувства», «веру в идеал», привязанность к земле, к селу, чуткость к «родовым ценностям» [6. С. 95]. Все это руководило татевским учителем, когда он ставил вопрос о расширении общеобразовательного курса, о создании ремесленных, земледельческих училищ. С. А. Рачинский был убежден, что их появление сможет помочь развитию кустарного производства. При крестьянских земледельческих школах, по его мнению, смогли бы функционировать ремесленные классы: столярные, слесарные, гончарные, кузнечные и др., способные помочь детям в дальнейшей жизни. Учащихся обучали мастерству плетения (из соломы, лозы, камыша); девочки учились ткать, шить, вышивать, мальчики — сапожному делу. С. А. Рачинский в некоторых своих школах открыл ремесленные классы, в которых осваивались столярное и плотничье дело; пчеловодство и земледелие. Опыт татевского учителя и его школ был высоко оценен на Нижегородской ярмарке и выставке церковно-приходских школ в Петербурге (1896 г.), а также на Всемирной выставке в Париже (1900), где Татевская школа была награждена золотой медалью.

Как видим, эти занятия способствовали и эстетическому воспитанию детей — ценности, которой С. А. Рачинский отводил важное место в своей педагогической системе. Сергей Александрович сам проводил уроки рисования и черчения, открыл художественную мастерскую, беседовал с

детьми об иконописи, творчестве великих художников.

Также на высоком уровне велись уроки пения, которые заключались в освоении традиций русской духовной музыки. Когда в Татеве приезжали бывшие ученики школы, наступал праздник. Это была целая деревенская «академия». Каждый занимался здесь «соответственно своей профессией»: «этюды писались под звуки упражнений на фисгармонии и пения, рядом изучалась история литературы, естествознание» [8. С. 275].

С. А. Рачинский отводил важную роль в своей педагогической системе воспитанию в детях чувства гармонии с природой. В Татеве детей воспитывало все, что окружало, в первую очередь, сама усадьба Рачинских. В отношении ко всему прекрасному проявлялся дух православия С. А. Рачинского. Н. М. Горбов в своих воспоминаниях описывает одну из прогулок по Татеву, после которой Сергей Александрович прислал ему экспромт — Подражание S. Francesko d'Assisi [3. С. 20]. Читая с детьми Евангелие и Псалтирь, учитель объяснял им, что природа живая, «обладающая сознанием». Позже Синод издал Псалтирь с краткими подстрочными разъяснениями (анонимный составитель С. А. Рачинский).

С. А. Рачинский знакомил детей с географическим положением села Татева, совершал с ними экскурсии — например, к месту, где брала начало река Берёза, текшая сначала в виде незначительного ручья, потом, принимая «некоторые ручьи и истоки из болот, увеличивалась около Татева» [16. Л. 157 об.] (около 25 верст от истока). Любили учащиеся и прогулки в лес (в Татеве большую часть составляли ело-

вые, лиственные леса, в лесу росли ягоды: черника, малина, брусника, земляника; было изобилие грибов. Водились там медведи, волки, лисицы, барсуки, хорьки, зайцы; встречались и лоси). Действительно, происходило «единение человека с природой, слияние с ней» [16. Л. 158 об.-159]. Отношения «культуры природы» и «культуры человека» в Татеве были гармоничными. С. А. Рачинский знакомил детей с историей села, которое в официальных документах XIX века числилось как Татев Ивановское, получившее такое название от первого храма в селе, устроенного в честь Рождества Иоанна Предтечи (XVIII в.). Название же «Татев», как говорило предание, происходило от некогда живших на этом месте князей Татьевых. Историки пытались связать это название со славянским словом «тать» — вор, «на что, как говорится в старинной летописи, нет никаких преданий, и крестьяне были и есть люди смиренные, добрые и честные» [16. Л. 155]. Мы разделяем точку зрения исследователя И. А. Соловьева, что истоки названия села надо искать в слове «тятя» — отец, батюшка [10. С. 5].

Вместе с учениками С. А. Рачинский собирал песни и сказки Смоленского и Тверского краев, использовал материалы фольклора на уроках и внешкольных занятиях, что также способствовало формированию духовно-нравственных ценностей личности учащегося. Сергей Александрович учил не только любоваться природой. Своим личным примером он воспитывал и учеников, и учителей школы. Летом Татевская школа тонула в зелени. «По дороге к “большому дому” был огород с

пчельником... Здесь копался Сергей Александрович, занимаясь огородничеством, выпалывая гряды и доставляя себе вместе с доступным ему моционом и умственный отдых, и “солнечные ванны”» [9. С. 409]. Он хотел видеть и в учителях Татевской школы людей любознательных и деятельных, которые отвели бы в своем огороде несколько грядок на пробное разведение хозяйственных растений, новых или малоизвестных. Большую пользу приносил школе плодовый сад в соединении с питомником, что являлось подспорьем к школьному пчеловодству. Подробно пишет С. А. Рачинский об этом в своей статье «Начальная школа и сельское хозяйство» (1896 г.) [7. С. 144]. Труд учителей в летнее время (сад, пасака, огород) для Рачинского имел «великое нравственное значение»: «Главное, что это привязывало бы к месту наш слишком подвижный учительский персонал, более тесно и прочно связывало бы учителя с его питомцами, позволяло бы продлить и дополнить влияние школы на лучших из этих питомцев» [7. С. 156]. Об этом татевский учитель ведет речь в статье «Школы летом» (1898 г.).

Устраивал Сергей Александрович и паломнические походы, которые являлись методом поощрения учащихся в конце учебного года. В поэтическом произведении С. А. Рачинского «Школьный поход в Нилову пустынь» (1887 г.) поднимается проблема того, что «школьное учение весьма мало прибавляет к скудному запасу наглядных практических сведений, коими обладает ребенок, вырастающий в тесной, однообразной среде, ограниченный каким-нибудь десятиверстным расстоянием» [7. С. 88]. С. А.

Рачинского беспокоил этот недостаток наглядности, непосредственного знакомства учащихся с предметами, о которых шла речь в школе и книгах (недостаточно одного показывания картинок). О том, что дети видят, они охотно пополняют свои сведения чтением. С. А. Рачинский пытался восполнить этот пробел детского развития и несколько раз совершал с учениками паломнические путешествия в Нило-Столобенскую пустынь. Вместе с религиозной направленностью поход выполнял нравственные и познавательные функции: воспитание любви к родному краю, знакомство с рельефом Валдайской возвышенности; сбор растений для гербариев, изучение пословиц и поговорок крестьян Тверской губернии, зарисовки и этюды и т. д.

Последняя статья С. А. Рачинского «Культура местных растений» (1901 г.) стала своеобразным завещанием педагога: «Быстро меняется окружающий нас мир, как физический, так и нравственный. На моей памяти три четверти нашего захолустного края были заняты сплошными лесами. Ныне клочок нетронутого леса, речной берег, сохранивший первобытную свою растительность, становятся редкостью. Еще реже становятся семьи, не покинувшие своих родовых гнезд, дорожащие остатками дикой природы, преданиями прежнего быта. Будем же мы, последние из могикиан, стараться о сохранении, о восстановлении еще уцелевшего остатка природных красот и духовных заветов ради будущих, более разумных поколений» [7. С. 184].

Итак, учебное заведение, созданное С. А. Рачинским, раскрывало перед русским народом «сокровища Церкви», и основной его задачей

было воспитание «добрых христиан». В системе духовно-нравственного воспитания главным стержнем являлось Православие, поэтому учебная программа в Татевской школе была составлена таким образом, что предметы религиозного цикла занимали ведущее место. Особое внимание уделялось богослужению и православным праздникам. Татевская школа была церковной, ее цель — воспитание детей в духе христианского учения и добрых нравов, а суть воспитания определялась особой атмосферой, что обеспечивало условия для развития личности учащегося.

С. А. Рачинский рассматривал религию как главный компонент в формировании духовно-нравственных и общечеловеческих ценностей личности учащегося. Сюда входило воспитание человека высоконравственного, гуманного, почитающего родителей, благодетелей, любящего Отечество.

Главным в Татевской школе было внимание к ребенку как главной ценности, воспитание в нем бережного отношения как к себе, так и к другому человеку, к своему Отечеству, к Дому,

природе, труду, здоровью (физическому и духовному), сохранению духовно-нравственных ценностей через хозяйственную организацию, материальную культуру (жилище, одежда, пища), развитие народных промыслов.

С. А. Рачинский построил новое здание школы, напоминавшее крестьянское подворье, общежитие, создав домашний уют, как в хорошей крестьянской семье. Он заботился об одежде и пище детей, о распорядке дня, об организации учебно-воспитательного процесса, проведении досуга и трудовой деятельности. На занятиях, а также во время прогулок и экскурсий, во время богослужения, паломнических поездок, во время трудовой деятельности и занятий народными промыслами татевских школьников во главе с учителем (обязательное условие педагогической теории и практики С. А. Рачинского); во время приема пищи и выборе стиля одежды и т. д., формировался в детях Татевской школы морально-мировоззренческий элемент личности, шло приобщение к истории и традициям своего народа, родного края.

Список литературы

1. Воскресенский, А. Д. Из дневника учителя Татевской школы / А. Д. Воскресенский // Народное образование. — 1911. — Т. I. — Кн. 3. — С. 273—292; Кн. 4. — С. 418—440; Кн. 5. — С. 565—593; Кн. 6. — С. 273—593.
2. Георгиевский, В. Т. Сергей Александрович Рачинский / В. Т. Георгиевский: (Поборник народного просвещения. — Друг крестьянских детей): 1902 — 2 мая — 1912. — СПб. : Синодальная типография, 1912. — 32 с.

(бесплатное приложение к журналу «Народное образование» за 1912 г.).

3. Горбов, Н. М. С. А. Рачинский / Н. М. Горбов. — СПб.: Изд. Общества ревнителей русского исторического просвещения, 1903. — 43 с.
4. Ельницкий, К. В. Русские педагоги II-ой половины XIX-го столетия / К. В. Ельницкий. — Петроград, 1915. — С. 83—92.
5. Ляковский, В. Н. Памяти С. А. Рачинского / В. Н. Ляковский. —

СПб. : Типография М. И. Акинфиева и И. В. Леонтьева, 1903. — 15 с. (Изд. Об-ва Ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III; вып. 9).

6. Некрасова, М. А. Формирование новой парадигмы теории народного искусства. Ключевые понятия / М. А. Некрасова // Народное искусство России в современной культуре. — М. : Коллекция-М, 2003. — С. 78—98.

7. Рачинский С. А. о воспитании: Золотой фонд педагогики / С. А. Рачинский; авт.-сост. Л. Ю. Стрелкова. — М. : Школьная Пресса, 2004. — 192 с.

8. Редков, Н. Н. Историко-статистическое описание церквей и приходов Смоленской епархии. Выпуск 1, Бельский уезд / Н. Н. Редков. — Смоленск : Типография П. А. Силина, 1915. — С. 274—291.

9. Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IV. С. В. Смоленский. Воспоминания / Гос. центр. музей М. И. Глинки. — М. : Языки славянских культур, 2002. — 688 с.

10. Соловьев, И. А. С. А. Рачинский. Татевская школа: документальные очерки / И. А. Соловьев. — Тверь : Твер. обл. кн.-журнал. изд-во, 2002. — 160 с.

11. Танаевский, С. И. Татевская школа С. А. Рачинского / С. И. Танаевский // Народное образование. — 1902. — Т. II, кн. 9 (сентябрь). — С. 113—155.

12. Шестун, Евг., свящ. Православная педагогика / Евг. Шестун, свящ. — Самара : Самарский информационный концерн, 1998. — 576 с.

13. Автобиография (С. А. Рачинского) и хронологическая канва жизни и деятельности для будущих мемуаристов 1889 г. — РГАЛИ. — Ф. 427. — Оп. 1. — Ед. хр. 719. — 61 лл.

14. Ванчаков Афанасий Михайлович. — ОР РНБ. — Ф. 631. — Д. 4. 1901, декабрь. Письма С. А. Рачинского. — 18 лл.

15. Лясковский Валерий Николаевич. — ОР РНБ. — Ф. 631. — Д. 11. 1888, февраль-июль. Письма С. А. Рачинского. — 9 лл.

16. Рачинский Сергей Александрович. — ГАСО. — Ф. 391. — Оп. 1. — Д. 2. — Лл. 155; 157—157 об.; 158; 159; 160-161; 165 об.; 166—166 об.; 172 об.

17. Шемякин Василий Иванович. — ОР РНБ. — Ф. 631. — Д. 18. 1890, 1895—1898. Письма С. А. Рачинского. — 20 лл.

С. А. Рачинский

ЗАМЕТКИ О СЕЛЬСКИХ ШКОЛАХ*

Суждения сельского учителя о школьном деле не могут отличаться ни многосторонностью, ни строгим беспристрастием. Явления школьной жизни, входящие в его кругозор, знакомы ему близко, известны ему в таких подробностях, которые ускользают от постороннего наблюдателя. Но кругозор его узок, и он беспрестанно подвергается опасности принимать местное и частное за общее, основывать свои выводы на слишком недостаточных данных. С другой стороны, самая близость его к делу может препятствовать правильной оценке многих существенных его сторон. Тем не менее всякое искреннее слово человека, преданного своему делу, имеет относительную цену как материал для людей, имеющих возможность обсудить это дело с точки зрения более общих, отрешенных от всяких местных случайностей, от всякого личного пристрастия.

I

Скажу прежде всего несколько слов об особенностях, присущих в силу вещей нашей сельской школе, насколько они начинают выясняться за краткий период ее существования.

В противоположность школам западным наша сельская школа воз-

никает при весьма слабом участии духовенства, при глубоком равнодушии образованных классов и правительственных органов из потребности *безграмотного* населения дать своим детям известное образование. В этом ее слабость, в этом и ее сила, в этом ключ к объяснению всех прискорбных и отрадных явлений в жизни наших сельских школ.

Из этого порядка вещей прямо следует, что преподавание в сельских школах не может иметь никакого направления, кроме данного теми же безграмотными родителями, что за ними не может быть иного контроля, кроме контроля тех же родителей.

И при всем том число школ растет, уровень их медленно поднимается, но приобретают все более религиозный, церковный характер, и центральным предметом преподавания все более становится в них закон божий, тот самый закон божий, от преподавания которого в большинстве случаев упорно отказываются священники или который, по молчаливому согласию, они предоставляют учителю!

Результат этот тем более замечателен, что все, по-видимому, при возникновении наших сельских школ клонило их в направлении противопо-

* Рачинский С. Заметки о сельских школах. Спб. : Синод тип., 1883. 123 с.

ложное: равнодушие к ним духовенства, краткое увлечение ими (перешедшее затем в совершенное охлаждение) местной интеллигенции, отношение к ним министерства, наконец, естественное стремление элементов противобщественных, антирелигиозных овладеть этой возникающей школой. Отношение нашей интеллигенции к религиозному элементу в школе известно: она допускает его лишь ради соблюдения каких-то консерваторских приличий или как уступку невежественным требованиям простонародья — и это лицемерное отношение к нему вреднее прямого гонения.

Что касается министерства, то его постановления, циркуляры, инструкции преисполнены выражениями неуставной заботливости о процветании религиозного элемента в школах всех возможных наименований. Но во всем этом мало искренности. Стоит только вспомнить то приниженное положение, которое отведено преподаванию Закона Божия в средних учебных заведениях. Относительно сельских школ стоит только заглянуть в *Каталог книг для употребления в сельских школах*, созданный министерством в 1875 г. Следует заметить, что всякая книга, не входящая в этот каталог, безусловно запрещена. Поверит ли мне читатель, если я скажу ему, что в этом каталоге не значится ни Часослова, ни Псалтыри, ни Ветхого Завета? *Новый Завет* «одобрен», но не «рекомендован»... Всякому, конечно, известно, что без Часослова и Псалтыри сельская шко-

ла у нас немыслима, что Ветхий Завет во всякой школе необходим.

Каким же путем совершается воздействие официально бесправного, безграмотного, по-видимому, совершенно некомпетентного населения на дело, в коем, в сущности, оно одно искренне заинтересовано? Медленным, почти бессознательным, но упорным давлением снизу — пассивным сопротивлением всему, не подходящему к народному понятию о школе, выживанием негодных учителей, поощрением удовлетворяющих народным нуждам, неотразимым влиянием учащихся на учащихся.

Этот религиозный, церковный характер, налагаемый на нашу школу силой вещей, обуславливает другую ее резкую особенность — учебную программу, отличающуюся от учебных программ всех школ иноземных.

Кроме всех предметов, преподавание которых желательно или нужно во всякой сельской школе, польза и необходимость которых еще смутно сознается нашим безграмотным населением, русская сельская школа уже теперь обязана сообщить своим питомцам знание церковно-славянского языка.

Обязательное изучение языка мертвого, обособленного от отечественного целым рядом синтаксических и этимологических форм. А между тем столь к нему близкого, что изучение его вполне доступно на первых ступенях грамотности, — это такой педагогический клад, которым не обладает ни одна сельская школа в мире.

Действительно, по условиям нашего сельского быта, по бедности и малодоступности нашей светской литературы для грамотного крестьянина не существует иного постоянного упражнения в грамотности, кроме чтения Псалтыри по покойникам и участия в богослужении. Светских книг, доступных и полезных крестьянину, у нас слишком мало, и они попадают к нему редко. Между тем неисчерпаемые богатства нашего богослужебного круга — это сокровища поэзии, нравственного и догматического поучения наряду со Священным Писанием и житиями святых — дают постоянную пищу уму, воображению, нравственной жажде нашего грамотного крестьянина, поддерживают в нем способность к тому серьезному чтению, которое одно полезно и желательно.

Мне остается указать на особенность наших сельских школ (северной полосы) — особенность, обусловленную причинами чисто внешними, но имеющую на ее внутреннюю жизнь неизмеримое влияние.

Особенность эта заключается в следующем. Девять десятых из учеников наших сельских школ не *ходят* в школу, а *живут* в ней. Деревни наши так разбросаны, ученики наши так малы и так плохо одеты, что лишь из одной, много из двух, трех деревень они могут ходить ежедневно в школу. Все живущие в деревнях более отдаленных приходят на целую неделю, с запасом хлеба, целый день сидят в школе или толкутся около нее, ночуют

где попало — в классе, церковной сторожке; более зажиточные — в особоназначенных квартирах. Школы, при которых устроено для учеников особое помещение или даже правильное общежитие, составляют весьма редкое исключение.

Это исключительное положение наших сельских школ имеет громадное влияние на всю постановку нашего школьного дела. Оно дает родителям право быть чрезвычайно требовательными к учению, достаемому ценой столь явных неудобств; оно возлагает на школу разные виды ответственности, о которых не может быть речи в школах Западной Европы и южной России. Оно по силе вещей превращает сельскую школу из учебного заведения в воспитательное. Школа захватывает всю жизнь ребенка и становится великой силой, налагающей на него неизгладимую печать. Какую? Это зависит от духа школы, от ее организации, от лиц, ею управляющих.

Само собой разумеется, что это обстоятельство имеет также решающее влияние на сам план преподавания, на его способы и методы. Вопрос уже не в том, как разумно распределить занятия в течение четырех, пяти часов учения, а в том, как разумно занять весь день ребенка. Счастлива та школа, которая имеет рампу, освещающую длинные зимние вечера, в которой ребята не вынуждены с трех часов пополудни сидеть в потемках или читать при свете догорающей печки. Но нелегка задача учителя, который берет на себя ответственность

исполнить свои обязанности до конца, дополнить свои дневные уроки вечерними занятиями, без которых не имеет смысла жизнь несчастных школьников, оторванных от семьи, пользующихся учением лишь в течение двух, трех зим.

Сказанного, полагаю я, достаточно, чтобы убедить читателя в коренном своеобразии русской сельской школы.

II

Переходя к рассмотрению отдельных элементов, из которых складывается жизнь русской сельской школы, остановлюсь прежде всего на самом важном из них — на ее учениках.

При первом же взгляде на всякую нашу школу в ней поражает отсутствие или малое количество девочек.

Отсутствие девочек объясняется очень просто — теми же внешними условиями, которые затрудняют помещение в школу мальчиков. Понятно, что эти условия для девочек еще более неблагоприятны и стеснительны. Поэтому вы в наших сельских школах кроме дочерей причетников встретите разве девочек из самых ближайших деревень. Никакого общего предубеждения против обучения девочек у крестьян, однако, не существует.

Для того чтобы ребенок приобрел прочную грамотность, ему необходимо посещать школу по крайней мере три зимы. Притом необходимо начинать не ранее десяти лет, и с этим вполне согласна практика крестьян: они понимают, что ребенок, оставляющий школу одиннадцати, двенадцати

лет, рискует все позабыть. Между тем Министерством народного просвещения строго воспрещено обучать вместе с мальчиками девочек старше 12 лет. Это запрещение равняется безусловному исключению девочек из сельской школы. Сообщить действительную грамотность крестьянке наша школа может только *при явном нарушении закона*.

Но боюсь распространяться о девочках. Мальчик, поступающий на одиннадцатом году в сельскую школу, мало похож на своего сверстника из образованных классов. Он не видал еще букваря, но твердо знает азбуку жизни. Он уже испытал много недетского горя, участвовал во многих недетских трудах. Едва он стал твердо держаться на ногах, ему поручили нянчить младшего братца или сестру. Через это нянченье прошли все наши деревенские ребята, и мальчики, и девочки. На пороге сознательной жизни на них возлагается самая страшная из ответственной — ответственность за жизнь беспомощного, дорогого, но докучливого существа, которое без их постоянной заботы существовать не может. Ведь мать боронует и пашет, косит и жнет. Как только являются признаки физической силы, на мальчика возлагаются работы, превышающие эту силу, работы, сопряженные с ответственностью за самые ценные части крестьянского инвентаря — за скот и лошадей. Он — деятельный участник всех трудов и забот семьи. Он узнает все не из шутивых рассказов, а из горького личного опыта.

Он неуч перед пятилетним ребенком образованных классов, он неизмеримо зреее для жизни, чем двадцатилетний юноша, выхолненный в богатом, просвещенном семействе.

В школу он поступает с радостью. Тут его ожидает жизнь относительно привольная и легкая, без непосильного труда, физического или умственного, — ожидает его роскошь, составляющая потребность детского возраста, роскошь, на которую нет времени в его семейной жизни: постоянное внимание к нему старших, постоянная забота о нем. Но он приносит с собой приобретенное в семье чувство ответственности за свои поступки, за свое время, сознание необходимости труда, напряжения своих сил. От учителя зависит не дать заглухнуть этим драгоценным задаткам, но укрепить и направить их. Приносит он с собой и земное, но высокое и благоговейное понятие об учении как о ключе к тайнам молитвы, жизни вечной, божественной мудрости. Он, крестьясь, целует первую книгу, которую дают ему в руки.

С товарищами дружится он скоро.

Старшие ученики принимают новичков с радушием и лаской. Эти мальчики — любимцы школы. По доброй домашней привычке с ними носятся и нянчатся. Мерзкий обычай немецкой школы, перешедший и в наши средние учебные заведения, обычай дразнить и мучить новичков, совершенно чужд школе русской — а такова пока лишь наша бедная сельская школа.

Почти во всяком из наших школь-ников есть педагогическая струнка, часто весьма сильная. Учитель, умеющий играть на этой струнке, приобретает драгоценное, почти необходимое подспорье в почти неограниченной работе, возлагаемой на него исключительными условиями нашей школьной жизни. Во всякой школе найдутся два-три толковых и усердных мальчика, которым с великой обоюдной пользой можно смело поручить младших товарищей для известных, нехитрых, но необходимых упражнений. Замечательная распространенность этой склонности между крестьянскими ребятами имеет огромное значение для всей будущности нашего школьного дела. Она обеспечивает нам тот громадный контингент дешевых сельских учителей, который понадобится нам в близком будущем и который не может быть почерпнут ниоткуда, как только из среды грамотного крестьянства.

Наши школьники поступают в школу с твердым намерением сделаться грамотными, большей частью по собственной неотступной просьбе, с полной готовностью учиться без перерыва с утра до вечера. Все это неудержимо теснит нашу школу к увеличению числа учебных часов, и главным двигателем тут являются сами ученики. Их постоянное присутствие в школе, их поистине ненасытная жадность к учению волей-неволей заставляют всякого внимательного учителя умножать число классных занятий, в особенности в первой половине

зимы, когда нужно пользоваться всем кратким днем, затем настает длинный вечер, в который ученикам и бегать по улице невозможно. Настаиваю теперь только на том, что такое интенсивное учение не есть насилие над детьми, но уступка их требованиям: они пришли учиться и, кроме школы, деваться им некуда. Чтобы выжить их из класса, буквально нужно погасить лампу. Делают они свое дело с терпением и настойчивостью, вполне понимая, что дело это трудное и важное.

В прямой связи с этим деловым направлением наших школьников находится их отличное, бодрое и веселое, но скромное и ровное поведение в школе. Им не до шалостей, не до ссор. В них нет и следа того отвратительного сквернословия и скверномыслия, которыми заражены наши городские учебные заведения, в особенности столичные. Русский народ, вошедший в пословицу своим сквернословием, в сущности, самый стыдливый народ в мире. Грязь в глазах русского человека есть грязь. Когда в нем проснется зверь, живущий в каждом человеке, он кидается ей. Но пока он трезв, пока он остается сам собой, он чист в мыслях.

Средний уровень способностей наших крестьянских детей, как мальчиков, так и девочек, вообще очень высок. Последние, быть может, еще превышают первых понятливостью и терпением. Способности эти разнообразны, но преобладают заметно способности математические и художественные. Умственный счет — любимая

забава детей в промежутки между классными занятиями, и в нем легко достигаются значительная быстрота и ловкость, так же как и в решении сложных письменных задач. Пение при сколько-нибудь умелом преподавателе прививается несравненно успешнее, чем в средних учебных заведениях. Ничуть не менее распространена другая художественная способность — способность к рисованию. Количество дремлющих художественных сил, тающихся в нашем народе, громадно, и о нем пока может составить себе приблизительное понятие лишь внимательный сельский учитель.

Остается мне дополнить эту беглую характеристику наших сельских учеников несколькими словами об их отношении к предметам религиозным и нравственным.

Та высота, та безусловность нравственного идеала, которая делает русский народ народом христианским по преимуществу; которая в натурах спокойных и сильных выражается безграничной простотой и скромностью в совершении всякого подвига, доступного силам человеческим; которая в натурах страстных и узких ведет к ненасытному исканию, часто к чудовищным заблуждениям; которая в натурах широких и слабых влечет за собой преувеличенное сознание своего бессилия и в связи с ним отступление перед самыми исполнимыми нравственными задачами и необъяснимые глубокие падения; которая во всяком русском человеке обуславливает воз-

можность внезапных победоносных поворотов от грязи и зла к добру и правде, — вся эта нравственная суть русского человека уже заложена в русском ребенке. Велика и страшна задача русской школы ввиду этих могучих и опасных задатков, ввиду этих сил, этих слабостей, которые она призвана поддержать и направить. Школе, отпущенной от Церкви, эта задача не по силам. Лишь в качестве органа этой Церкви, в самом широком смысле этого слова, может она приступить к ее разрешению. Ей нужно содействие всех наличных сил этой Церкви, и духовных, и светских...

...Прав ли я был, утверждая, что к нашей сельской школе нельзя подойти с одними отвлеченными педагогическими понятиями и приемами?

Все сказанное мной об учениках наших школ относится к ученикам нормальным, детям порядливых и более или менее зажиточных крестьян, которые одни до сих пор пользуются у нас учением. Но кроме них в состав учащихся в сельской школе входят и другие элементы.

Истинную язву наших сельских школ составляют дети торгашей и кабатчиков. Эта денежная аристократия наших сел, ничего не делающая для школ, отлично умеет пользоваться ими для первоначального обучения своих детей, затем нередко поступающих в гимназии и городские училища. Эти дети, выросшие в кабаке, в праздности и относительной роскоши, в атмосфере грязи и обмана, резко отличаются от всех прочих учеников.

Школа, в которой они редко живут, не в силах перевесить тлетворное величие домашнего очага. Их сквернословие, их мерзкие шалости составляют грубый диссонанс в мирном строе сельской школы.

Менее испорчены, но также весьма затруднительны для учителя те несчастные дети, которые попадают в школу после нескольких лет нищенства. Очень трудно победить в них привычку к праздности, к бродячей жизни, разные сопряженные с ней дурные навыки. Но обращаю внимание на этот незначительный контингент, потому что увеличение его крайне желательно. Те печальные последствия, физические и нравственные, которые влечет за собой раннее нищенство детей, настоятельно указывают на необходимость предотвращения его помещением детей в школы и изыскать нужные для этого денежные средства.

III

Поговорив об учениках сельской школы, мне следует сказать несколько слов об ее учителях.

Учителя, подвизающиеся в наших официально признанных сельских школах, распадаются на три разряда, резко отличающихся между собой.

Первый разряд, и по времени появления, и по внутреннему достоинству, составляют молодые люди, окончившие курсы в духовных семинариях и готовящиеся к священническому сану. Наша сельская школа не имеет, и долго не будет иметь, контингента учите-

лей, более солидно и многосторонне подготовленных. Основательность их сведений, в особенности по русскому и церковно-славянскому языкам и по Закону Божию, вполне вознаграждает некоторую недостаточность в знакомстве с приемами элементарного обучения. В духовных семинариях преподается педагогика, при них существуют воскресные школы для упражнения воспитанников. Привлечение их к деятельности в сельской школе (через особую назначенную им стипендию) составляет действительную заслугу Министерства народного просвещения.

Но само собой разумеется, что этот ценный контингент при возрастающем количестве школ, при повсеместном недостатке в священниках совершенно исчезает сравнительно с потребностью в учителях. Редкому из этих молодых людей доводится провести в должности учителя положенные законом три года: они только проходят через сельскую школу и оставляют ее, не успев приобрести тот навык, ту опытность, которые одни могли бы сделать из них безукоризненных сельских учителей.

Другой разряд наших сельских учителей, и самый многочисленный, составляют молодые люди, приобретающие это название посредством экзамена при гимназиях, уездных училищах и т. д. Экзамен этот, относительно легкий, дает доступ к учительской должности всякому, кто способен ее исполнить в пределах, начерченных официальной программой сельских

школ. Молодые люди, сдающие его, по большей части окончили курс в уездном или духовном училище или не окончили его в каком-либо среднем учебном заведении. Как весьма редкие исключения, появляются между ними крестьяне, обучавшиеся в сельских школах и затем нашедшие случай пополнить свои сведения до уровня, требуемого программой учительского экзамена.

Само собой разумеется, что общая характеристика этого разряда учителей невозможна: между ними встречаются учителя отличные, посредственные и из рук вон плохие, смотря по их личным свойствам, по той школе, которую они прошли до экзамена. Это люди, сознательно выбравшие себе учительскую должность, иногда за неимением лучшей, иногда по действительной склонности или призванию, наперед знакомые с ее более чем скромной обстановкой, дорожащие этой должностью по меньшей мере как своим единственным окончательным ремеслом или как заменой обязательной воинской повинности. Размножение этих учителей — плод действительной потребности, и притязания их не идут далее действительно достижимого.

Третий разряд наших сельских учителей составляют те учителя ex professo, которые выходят из наших учительских семинарий. Количество их возрастает, но не так быстро, как можно было бы ожидать по количеству этих заведений.

Наши учительские семинарии наполняются, с одной стороны, молоды-

ми крестьянами, с другой — юношами из всех прочих сословий. Причины, побуждающие их поступать в эти заведения, разнообразны, но лишь в редких случаях между ними играет видную роль сознательное желание поступающего посвятить себя учительскому званию.

... Всем известно, что кроме наших официальных зарегистрированных училищ, находящихся под номинальным контролем разных лиц и учреждений, у нас существует сельская школа, ускользающая от всякого контроля, от всякой статистики, школа, предшествовавшая учреждению наших правильных училищ и продолжающая действовать наряду с ними. Эта чисто деревенская школа заключается в найме жителями какой-либо деревни грамотея, переходящего из дома в дом и обучающего детей этой деревни.

... Мы должны признать, что эти самородные школы сильно способствуют распространению грамотности в России, той элементарной, но прочной грамотности церковного характера, которая соответствует пробуждающейся потребности наших крестьян в образовании.

Но и в теперешнем их состоянии эти деревенские школки заслуживают сочувствия и поощрения. Их часто весьма плохие учителя, имея дело с небольшим числом учеников, вынужденные постоянным контролем родителей к усиленной деятельности, по этому самому достигают результатов замечательных, по какому бы методу они ни вели свое преподавание.

Таковы учителя, которыми ныне располагает наша сельская школа. Читатель видит, что они оставляют желать многого, что тип русского учителя еще далеко не выработался. Тем не менее уже теперь исключительные условия нашей сельской школы налагают на ее учителя особый отпечаток. Если он человек, по личным качествам достойный своего звания, если это звание не есть только ремесло, навязанное ему случайными обстоятельствами, он неминуемо берет на себя нелегкий труд приладиться к этим тяжким, своеобразным условиям, чтобы извлечь из них какую-либо пользу для своих учеников. Эти ученики поручены ему на краткий срок, но зато они у него под руками с утра до вечера. Чтобы добиться какого-либо результата, он волей-неволей должен умножить число классных занятий или придумать для детей полезные занятия вне классов. Отношения его к ученикам становятся живее, ближе, чем в школе, действующей только в определенные часы. Сила вещей заставляет его заботиться о многом другом, кроме успехов этих учеников в арифметике и чистописании. Его затягивает дело по самой своей жизненной сложности, и он привязывается к нему навсегда, если он склонен к нему достаточно, чтобы не отказаться от него после нескольких лет настойчивого, слабо вознаграждаемого труда.

Но одним учителем не исчерпываются учебные силы школы. Рядом с ним во всякой школе, заслуживающей

название нормальной, действует законоучитель-священник.

... Из среды нашего сельского духовенства резко выделяется постепенно возрастающее меньшинство священников, беззаветно преданных делу народного образования, видящих в нем необходимое дополнение своей пастырской деятельности. Благо той школе, которая обладает таким законоучителем! Она не умрет, какие бы ее ни постигли внешние и внутренние невзгоды. Она пустит и глубокие корни, и широкие ветви.

Но еще важнее воспитательное влияние священника на школу. Урок Закона Божия, этот любимый урок наших учеников, исходя из уст любимого священника, учащего своей жизнью, приобретает громадную силу, помимо тех элементарных сведений, которые в нем сообщаются. Священник, и вне классов следящий за жизнью учеников, оторванных от семьи, приходящий в их бедные жилища на утреннюю и вечернюю молитву, входящий в их маленькие горести, в их горькие нужды, делает больше и лучше, чем самый искусный преподаватель. Он придает смысл этой насильственной жизни детей вдали от родного дома, под сенью Церкви. Он завязывает со своей паствой те неразрывные связи, которые одни дают прочность и действительную силу его школьным поучениям. Хороший священник — душа школы; школа — якорь спасения для священника. Все это не предположения, не благие пожелания, а краткая отповедь моих личных наблюдений.

... Положение нашей Церкви опасно. Опасно оно не для самой Церкви — ее победоносная жизнеспособность проявляется и теперь для всякого, кто имеет глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать. Оно опасно для тех, которые от нее отпали. Не тайным ли сознанием этой опасности объясняется позорное равнодушие нашей интеллигенции к делу образования нашего народа, ее торопливая жажда захватить внешнюю власть за неимением внутренней?

Спасти эту интеллигенцию от гибели, которую она себе готовит, могут только дружные усилия людей мыслящих и верующих, неустанная их работа на почве Церкви, на почве школы. Медлить невозможно. Предостережений было довольно.

V

Обращаясь к преподаванию в сельской школе, останавлиюсь прежде всего на русском языке, этом необходимом орудии всякого учения, книжного и устного, на этой степени умения говорить, читать и писать, которая может быть достигнута и действительно достигается в этой школе.

Результаты, достигаемые в ней, весьма разнородны, смотря по умению учителя и продолжительности учения.

Вот что представляется мне достижимым при четырехлетнем курсе учения:

1. Умение говорить без ошибочных местных оборотов и речений. Это умение достигается благодаря постоянным внеклассным сношениям

учеников с учителем в нашей сельской школе, если только этот учитель сам говорит правильно по-русски, чего нельзя сказать даже о всех воспитанниках учительских семинарий, но что составляет преимущество учителей духовного происхождения, даже не прошедших через духовную семинарию.

2. Умение читать с полным пониманием доступную по содержанию прозу и стихотворения пушкинского периода.

Зато вся наша послепушкинская литература (за исключением разве рассказов А. Печерского) для него абсолютно неудобоварима. О наших журналах и газетах и говорить нечего.

Остановимся на этом замечательном явлении. О нем стоит подумать. В нем есть две стороны, которые следует строго различать.

Первым препятствием к проникновению в народ нашей литературы служит ее язык, и это опять в двух отношениях. Язык этот все более обременяется, отчасти по нужде, отчасти из небрежности, иностранными словами. Из газет, где эти слова часто неизбежны, они все более и более переходят в журналы и книги. Становятся необходимыми словари иностранных слов, необходимыми и в сельской школе, не для учеников, а для учителей, которые без их помощи не могут прочесть ни одной журнальной статьи, ни одной серьезной книги. Это обстоятельство наконец заставило правительство приступить к изданию особой газеты, которую можно было бы понять, не зная французского языка.

Другое отличие нашего современного литературного языка от языка

пушкинского периода заключается в злоупотреблении свободной, лишенной всякой симметрии периодической формой, в накоплении вводных и придаточных предложений, слабо сцепленных между собой, — склад речи гоголевский, дающий писателю неограниченный простор для развития и окраски своей мысли, но затрудняющий быстрое понимание и плавное чтение.

Но есть другая, внутренняя, существенная причина, по которой весь гоголевский период русской литературы остается и навсегда останется недоступным русскому народу. Нужно было пережить то, что пережило ныне стареющее поколение, чтобы понять вполне Бельтова и Базарова, Обломова и Рудина, Левина и Раскольникова. Будущим поколениям они станут столь же загадочными, как для нынешнего юношества становятся загадочными Онегин, Чацкий и Печорин.

Нужно ли присовокуплять, что вся наша публицистика для грамотных крестьян, в большинстве случаев и для учителей сельской школы вовсе не существует? Что та «рабья манера писать», в которой она все более изощряется, в которой, в сущности, и заключается весь ее вред для полубразованных классов, делает ее совершенно недоступной и непонятной для того грамотного люда, который стоит на ступени образования элементарного, хотя бы самого тщательного?

Но вернемся к самому чтению. Действительно, хорошее громкое чтение, столь редкое даже в образованных классах, редко также приобретает в сельской школе. Зато способность к нему нередко развивается по выходе

из нее. Грамотных ребят заставляют целыми вечерами читать вслух их родители. Эта усиленная практика, старание быть вполне понятными безграмотным слушателям, составляет в этом отношении лучшую школу.

3. Умение написать при должном внимании без ошибок против русского языка и правописания то, что бывает нужно писать в крестьянском быту: родственное письмо, прошение, условие.

Но, конечно, для того чтобы достигнуть этих результатов, нужно несколько отступить от модных педагогических приемов, вести дело прямее и проще, сосредоточивать свои усилия на изучении русского языка, не задаваясь при этом целью сообщить в придачу ученикам энциклопедию реальных сведений. Нужно просто-напросто пройти с учениками элементарный, но дельный курс грамматики, подкрепляемый бесчисленными упражнениями, добиться от них полного понимания и сознательного употребления всех форм русского языка. Только овладев вполне русским языком, приобретают они способность читать из книги, а не *в книгу*, по характерному выражению наших безграмотных крестьян.

Удовлетворительного учебника грамматики для сельских школ я до сих пор не отыскал, и поэтому грамматика у нас преподается устно с начала до конца. Преподаем мы ее без всяких усовершенствований, сперва этимологию, потом синтаксис, называя все части речи и предложения, все формы их подлинными именами. Мы убедились, что совместное обучение этимологии и синтаксису дает резуль-

таты быстрые, но неточные.

В моей школе приступ к грамматике почти совпадает с приступом к чтению. Я бы никогда не решился на эту смелость. Этот прием придумали мои помощники — крестьяне: я им предоставляю ведение младших групп, в котором они несравненно искуснее меня. В течение первого года ученики приобретают немного: способность ясно различать имя существительное, глагол и предлог. В течение второго года они выучиваются отличать все части речи и знакомятся со склонениями, в третий — проходят этимологию, в четвертый — синтаксис.

Само собой разумеется, что в столь короткий срок невозможно совместное обучение чтению и письму, признанное полезным большинством наших педагогов. Признаюсь, что выгоды этого совместного обучения кажутся мне чрезвычайно сомнительными.

Но существует видоизменение этого метода, заслуживающее полного внимания. Заключается оно в том, чтобы начинать обучение грамоте с совместного обучения чтению и письму на языке церковно-славянском. Совпадение славянского устава с печатным начертанием букв тут делает из письма действительно подспорье чтению. Само чтение на церковно-славянском языке несравненно легче, чем на русском, ибо произношение вполне соответствует правописанию.

Но несравненно важнее, чем вопрос об усвоении азбуки и механизма чтения, вопрос о первой книге, которая дается в руки ученикам наших сельских школ. Для этой цели почти повсеместно употребляется «Родное слово» Ушинского, книга замечательная,

единственная в своем роде в нашей литературе. Но, к сожалению, книга эта написана для детей иного возраста (7—10 лет) и иного сословия, чем ученики наших сельских школ. Пользуется она в нашем официально-педагогическом мире авторитетом почти каноническим и поэтому добросовестно и безжалостно употребляется в наших министерских училищах.

Несравненно выше, как материал для школьного учения, стоят «Новая азбука» графа Л. Н. Толстого и его «Книги для чтения». Если они не вытеснили до сих пор «Родное слово», то отчасти потому, что большая «Азбука» того же автора, изобилующая драгоценными указаниями относительно приемов преподавания, не представляет такой строгой и легкоприменимой системы, как сочинения Ушинского. Другая и главная причина — безвкусье нашего педагогического мира и равнодушие, с которым отнеслась к детским книгам графа Л. Толстого наша литературная критика.

VI

Посторонних посетителей, изредка заглядывающих в мою школу, всего более поражает умственный счет ее учеников. Та быстрота и легкость, с которой они производят в уме умножения и деления, обращаются с мерами квадратными и кубическими, соображают данные сложной задачи, то радостное оживление, с которым они предаются этой умственной гимнастике, наводят на мысль, что в этой школе употребляются особые, усовершенствованные приемы для преподавания арифметики, что я обладаю в этом отношении каким-то особым искусством или секретом.

Ничто не может быть ошибочнее этого впечатления. Конечно, *теперь* я владею некоторым навыком к умственному счету, могу импровизировать арифметические задачи в том быстром темпе, в котором они решаются моими учениками. Но до этих скромных умений довели меня или, лучше сказать, домучили сами ученики.

Именно домучили. Никогда не занимался я специально арифметикой, упражняться в умственном счете никогда и не думал. Принялся я за преподавание счета в сельской школе, не подозревая, на что иду.

Лишь впоследствии мало-помалу выяснил я себе то простое сочетание мнемонических приемов с быстрым умственным умножением, которое дает возможность придумывать безостановочно бесконечный ряд десяти- и двенадцатизначных чисел, делимых без остатка на любые другие числа, и вместе с тем бесконечный простор для импровизации задач, устных и письменных.

Эта беспрестанная усиленная возня с цифрами нагнала на меня настоящий арифметический кошмар, загнала меня в теорию чисел, заставила меня неоднократно открывать Америку, т. е. неизвестные мне теоремы Ферма и Эйлера...

Часто задавал я себе вопрос, какими основными способностями обуславливается та необыкновенная ловкость в обращении с числами, тот живой интерес к цифрам и к сочетаниям, которыми отличаются наши крестьянские ребята? Нет сомнения, что тут значительную роль играет их удивительная память. Но кроме памяти тут, очевидно, участвуют и другие способности: воображение, живо

рисующее перед ними состав чисел из первоначальных множителей и их сочетания, способность связывать внешний вид цифры с этим составом.

Говоря тут о преподавании арифметики в сельской школе, ограничиваюсь беглыми указаниями на мои наблюдения и впечатления.

Первое касается того приступа к преподаванию арифметики, который выработан немецкими педагогами и получил у нас права гражданства благодаря повсеместному распространению учебников Евтушевского. Основан он на долговременном и всестороннем изучении чисел первого десятка, за которым следует столь же кропотливое изучение чисел первой сотни. Прием этот, быть может, необходимый, когда приступаешь к делу с пятилетними детьми (или с идиотами), отзываясь чрезвычайной искусственностью, когда имеешь дело с детьми вдвое старшими, уже умеющими считать более ста, уже имеющими практическое понятие о десятичной системе благодаря известному им счету на копейки, гривенники и рубли.

Другое замечание, более общего свойства, сводится к тому, что ничтожные знания, приобретаемые в сельской школе, только и получают некоторую цену, если сопряжены с соответствующими умениями. В области арифметики — разумею тут быстрый и верный счет, умственный и письменный, — этих умений инстинктивно добиваются сами ученики, и обязанность учителя — всячески помогать их приобретению.

Требовательность как учеников, так и родителей относительно учителей не знает границ. Им не приходится в

голову, чтобы в учебное время учитель мог подумать об отдыхе.

И они тысячу раз правы! Разве дома, в тесной и темной избе, возможны для крестьянских детей какие-либо самостоятельные занятия? Разве при казенном количестве учебных часов возможны какие-либо результаты, кроме официально удовлетворительных ответов на экзаменах, кроме умножения свидетельств на льготу по воинской повинности? Разве дело в этих жалких экзаменах, в этой несчастной льготе? Нет, дело не в том, и это понимают те, для которых сельская школа составляет не отвлеченный предмет сочувствий, а кровное дело, те, которые веряют ей всю жизнь своих детей.

Вот почему я твердо верю в будущность этой бедной, темной, едва возникающей сельской школы, ощущаемой создаваемой на наших глазах безграмотным народом. Ибо — не нужно обольщаться — все, что в ней есть живого, доброго, внесено в нее не нашими просвещенными стараниями, не мерами правительства, но здравым смыслом и нравственным строем этого безграмотного народа. О, если б в наших образованных классах замечалась хоть тень этого прямого, бескорыстного, духовного отношения к делу, хоть тень этой истинной веры в пользу истинного просвещения! С какой радостью сказал бы я без ограничений, что верю в будущность русской школы.

IX

В заключение этих заметок необходимо остановиться на вопросе, от решения которого должен зависеть наш взгляд на нашу сельскую школу.

Что дает эта школа своим ученикам? Чем отражается учение на их последующей жизни, материальной и нравственной?

Итак, присмотримся к заурядному ученику школы хорошей.

Прежде всего он отличается от своих безграмотных односельчан более правильной русской речью. Это приобретение в бесчисленных случаях обыденной жизни приносит ему практическую пользу. Во-вторых, он приобрел способность писать письма и при должном указании те деловые бумаги, которые бывает нужно писать в крестьянском быту. В-третьих, он приобрел способность читать для своей забавы, для своего поучения и назидания, и эта способность приносит пользу не только ему, но и окружающему его безграмотному люду. Грамотных парней зимой по деревням много заставляют читать вслух, на посиделках, во время долгих ночных работ. Наконец, и это всего важнее, то искреннее благочестие, тот интерес к вопросам веры и духа, который вынесли из дома и внесли в сельскую школу ее ученики, в ней становятся сознательнее и глубже, становятся могучими будильниками ума и впоследствии поддерживают те навыки и знания, которые приобретены ими в школе. Духовная жажда становится для них главным побуждением не только к чтению, но и к писанию, находящему в их быту так мало постоянных практических приложений. В материальном отношении школьная грамотность приобретает особенную важность для тех крестьян, которые ищут занятий в городах, а также для поступающих в военную службу. Независимо от двухгодичной льготы она

значительно облегчает им эту службу, в большинстве случаев доставляя им должностной инструктора, полкового писаря и т. п.

Вот что выносит из хорошей школы заурядный ученик, ограничивающий свое умственное образование, и, право, уже из-за этого результата стоит потрудиться. Но им не ограничивается то, что может почерпнуть в такой школе мальчик, одаренный прилежанием и способностями, превышающими средний уровень. Для такого мальчика сельская школа может сделаться первым шагом к выходу в иные сферы жизни.

Но спешу прибавить, что в большинстве случаев крестьянский мальчик может только проиграть от помещения в наши среднеобразовательные заведения. Окончательный, бесповоротный разрыв с крестьянской средой, неизбежный при таком шаге, редко вознаграждается приобретением истинного образования.

К счастью, перед способными учениками сельских школ открываются иные пути, чем помещение в наши теплицы для выгонки чиновников. Существуют независимо от разных ремесел профессии, более или менее хлебные, к которым мы можем их направить, не облакая их в мундир, вещественный и нравственный, не прибегая к тому опасному насилию, которое покойный Достоевский называл «отколупыванием от народа». Укажу на некоторые из них.

Везде, где поблизости от школы существует земская больница, из способных учеников сельских школ можно образовать надежных фельдшеров. Для тех из них, которым предстоит военная служба, даже неполное обу-

чение этому делу, не доводящее их до фельдшерского звания, есть великое благодеяние, ибо по вступлении в службу они неминуемо попадают в фельдшерские ученики и со временем делаются военными фельдшерами.

Точно так же везде, где поблизости от школы живет или продолжительно работает опытный землемер, легко обучение крестьянских мальчиков практической геодезии, которая составляет драгоценное знание и в сельской жизни, и на военной службе.

Для юношей, одаренных художественными способностями, превосходным выходом служат иконописные школы при наших монастырях, дающие им возможность усовершенствоваться в весьма прибыльном художественном ремесле, а в случае выдающегося таланта убедиться в его размерах, прежде чем вступить на трудный путь самостоятельного искусства.

Я упоминал до сих пор лишь о профессиях более или менее исключительных, доступных лишь при известных, хотя и нередко встречающихся условиях. Но есть две профессии, в которые наплыв из наших сельских школ всегда возможен, в которые он желателен, нужен, необходим!

Первая из них — профессия сельского учителя. Сельских учителей нам нужно много — дельных, непритязательных, прочных, исполняющих свое трудное дело с любовью и терпением. Контингент, доставляемый нашими учительскими семинариями, и качественно, и количественно недостаточен. Школьных учителей должна плодить сама сельская школа. Разумеется, за это дело может взяться лишь та, которая с честью исполняет свое прямое назначение. Дело прежде всего

в выборе тех юношей, из которых могут выработаться действительно полезные сельские учителя. Ибо учительство в русской сельской школе не есть ремесло, но призвание, низшая степень того призвания, которое необходимо, чтобы сделаться хорошим священником. Приобретение практических навыков преподавания, истинного понимания обязанностей учителя относительно учеников совершается гораздо успешнее в живой действительной школе, где ученики являются целью, а не средством, чем в экспериментальных школах при учительских семинариях. Лучшая школа для начинающего учителя не упражнение в давании образцовых уроков, но поручение ему под руководством опытного наставника последовательного, сообразного с его силами дела, сопряженного с ответственностью, сперва легкой, потом постепенно усложняющейся. Несколько лет такой работы при должном расширении познаний (на это остается свободной большая половина года) достаточны, чтобы образовать вполне удовлетворительного сельского учителя.

Настаиваю на великой пользе этого способа приготовления сельских учителей, и это в силу личного опыта. Если я чему-нибудь научился в течение моей школьной практики, то, конечно, не от записных педагогов, не от учителей казенного изделия, но от учителей-крестьян, никогда не покидавших своего глухого угла, не знавших иной школы, кроме сельской. Их добросовестность и терпение, их умение обращаться с детьми и приковывать их внимание, угадывать, что в данную минуту затрудняет ребенка и как помочь ему, их цельное, духовное

отношение к делу поистине несравненны.

Но еще несравненно важнее другой исход для способнейших учеников наших сельских школ, а именно полная возможность поступать в духовные училища и со временем достигнуть священства.

Наши духовные училища при всех своих несовершенствах имеют перед учебными заведениями светскими громадное преимущество. Они, не предрешая судьбы своих учеников, ставят пред ними цель духовную, приобретение звания несравненной нравственной высоты, обставленного унижением и бедностью... так в глазах детей духовного сословия; поэтому большинство из них, лишенные призвания, стремятся к переходу в учебные заведения светские, сулящие чины и богатые оклады. Но в глазах крестьянина бедность сельского священника есть богатство, возможность удовлетворить той духовной жажде,

которая не по дням, а по часам растет в его темной среде, — удел святой и высокий.

* * *

Итак, мой благосклонный читатель, загляните в ту сельскую школу, которая у вас под руками. Вы ей нужны, и она вам нужна. Помогите ей по мере ваших сил. В девяти случаях из десяти она нуждается во всем, начиная от грошовой помощи чернилами и бумагой и кончая тысячами, нужными на ее вечное обеспечение. Но дорожке всяких материальных пожертвований будет доброе слово, сказанное вами учащим и учащимся, искреннее участие к их трудам, к их нуждам духовным. Говорю это по опыту. Много денег по незнанию, по легкомыслию истратил я бесплодно. Всякое евангельское слово, сказанное с любовью, в сознании моего бессилия, принесло плод сторицей.

1881 г.